

**Наташа Айверс
Вивиен Ли**

КЛЯТВА ХАНА

УДК 82-3
ББК 84
А11

Айверс Н.

А11 Клятва Хана / Наташа Айверс, Вивиен Ли – М.: Литнет, 2025. – 276 с.

ISBN 978-5-521-94244-2

Она — неугодная принцесса великой империи Тан. Без права на голос, без надежды на выбор. Лишняя. Её судьбу решают за неё: дальний край степи, чужой народ и брак с мужчиной, которому нет до неё дела. Он — наследник каганата, воин, привыкший брать, что хочет, и не задавать лишних вопросов. Его не интересует хрупкая китайская невеста, присланная в знак союза. Она для него — всего лишь дань традициям. Но степь не любит слабых. Здесь выживают только те, кто готов драться за своё место. И однажды хан даёт клятву. — Клятва, которую нельзя нарушить. — Мужчина, который не умеет любить. — И женщина, которую нельзя сломить.



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94244-2

© Литнет, 2025
© В. Ли 2025
© Н. Айверс, 2025

Пролог

Шатёр наследного хана Баянчура. Уйгурский каганат. Осень 745 года.

Он грубо распахнул полог шатра и толкнул её внутрь. Никаких придворных. Никаких свидетелей. Никаких приличий.

Теперь можно было не притворяться.

Он смерил её взглядом – холодным, чужим, оценивающим.

– Кажется, перед тем как отдать тебя, они забыли выбить из тебя горделивость и непокорность, – произнёс хан медленно, по-уйгурски.

Она молчала. Ни слёз. Ни мольбы. Ни страха. Только выпрямленная спина и прямой, беззащитно смелый взгляд.

Она приняла свою судьбу. Но не смирилась.

Он задержался взглядом на её свадебном наряде. Тонкий, струящийся шёлк цвета распустившейся сливы. Рукава, расшитые золотыми нитями и жемчугом, тянулись до пола. На шее – ожерелье из белого нефрита, гладкого и матового, того самого камня, который в Поднебесной считался символом чистоты, добродетели и небесного происхождения. Он знал: такие украшения разрешалось носить только женщинам из дома императора – и лишь по особому указу. Волосы собраны в сложную причёску, усыпанную шпильками в форме фениксов и магнолий.

Слишком красивая. Слишком тихая. Слишком гордая.

Он чувствовал, как что-то тёплое, почти... нежное прокралось внутрь и заскреблось изнутри – точно запертый зверь, выл и царапался когтями из самого нутра. Он мгновенно подавил это. Раздавил, как мерзкого насекомого, посмевшего вылезти из укрытия. Такие вещи нельзя допускать. Такие чувства – опасны. Особенно к чужеземной девчонке, только что выданной ему в жёны, как политическая разменная монета.

Он шагнул ближе и – зачем-то – снова заговорил. Хотя знал: она не понимает уйгурского.

– Раз уж мы теперь женаты, – бросил он глухо, – стоит ли откладывать то, что всё равно неизбежно? Скрепим союз. Сейчас.

Он сам не понял – это был приказ или предупреждение.

Его глаза стали холодными, как полированная бронза. На скулах заходили желваки. Он злился. Не на неё – на себя. Он ведь хотел быть терпеливым. Ещё до свадьбы говорил себе: даст ей время привыкнуть, приглядеться, понять, с кем имеет дело.

А потом всё рухнуло. Стоило ей появиться – и он потерял равновесие.

Как только они вышли из-за пиршественного стола, он сорвался. Поспешил. Повёл себя не как хан, а как голодный мальчишка, увидевший игрушку и захотевший ею завладеть. Моя. Никому не отдам.

«Вот же шайтан!» – в сердцах выругался про себя сын Кагана. Он сам себя не узнавал.

Он пытался заставить себя поверить: «Она такая же. Такая же, как остальные».

Но глаза – слишком ясные. Ресницы – слишком длинные. Губы – сочные, манящие. Хотелось коснуться, чтобы узнать, каковы они на ощупь – тёплые ли, мягкие ли, настоящие ли. Тело – налитое, живое, упругое несмотря на кажущуюся хрупкость.

И в нём уже поднималась буря. Стихия, которую, он начал подозревать, утолить сможет только она сама.

Но вслух он сказал другое:

– Ну, давай посмотрим, что мне передали.

Принцесса замерла. Всего на миг.

Он уловил это – тонкий, почти невидимый укол. Будто он её оскорбил. Не словами – отношением. Тем, что говорил о ней, как о вещи. Пусть ценной, но всё же – вещи.

Но ему, наследному хану, было всё равно. По крайней мере, он изо всех сил пытался убедить себя в этом.

Она быстро опустила глаза. Как учили. Как положено. Чтобы спрятать вспыхнувшие на лице страх и растерянность. А потом – подняла взгляд. Медленно. Наблюдая за ним из-под ресниц. И стояла. Прямо. Без движения.

Как будто это не он приказывал, а она – позволяла.

Хан подошёл ближе. Почти вплотную. Его шаги были беззвучны – как у хищника, выбравшего момент для броска. Он поднял руку – неторопливо, с ленивой грацией. Пальцы сомкнулись на тонкой ткани, скрывавшей её грудь.

Полупрозрачный шёлк, расшитый цветами сливы и нитями цвета нефрита, дрогнул под его пальцами.

А потом – резкий рывок. Хруст. Ткань соскользнула с плеч. Тяжело собралась у запястий. Шёлк, как кандалы. Она не дрогнула. Но тело её предавало: грудная клетка вздымалась, подбородок подрагивал, сердце стучало слишком громко.

И всё же – лицо оставалось непроницаемым.

Она не заслонила. Не отвернулась. Сжала кулаки. Стиснула зубы. Устояла. Когда-то она стыдилась своих форм. Избегала зеркал. Слишком полная грудь, слишком крутые бёдра и тонкая талия. Слишком... женственная.

Но Ма Суань – наставница, наложница в прошлом – однажды сказала: «Такая грудь сделает мужчину беспомощным. Это не слабость, госпожа. Это – оружие». И Ли Юн запомнила. С того дня она училась владеть телом, как мечом.

Сейчас она видела: он смотрел. И не мог отвести глаз. Смотрел дольше, чем хотел. Дольше, чем должен. И она это запомнила. Это не она должна стыдиться. Это он. Он – тот, кто не увидел в ней женщину. Только трофей. Добычу. Они стояли друг напротив друга.

Она – юная, красивая, обнажённая до пояса, но не сломленная. Он – хищник, у которого впервые дрогнули пальцы.

И тогда она вспомнила слова Ма Суань: «Мужчина – это лук. Натянешь слишком туго – сломается. Слабо – не выстрелит. Но если

поймаешь нужное напряжение... он полетит в тебя стрелой». Она видела, как его взгляд опустился и рука потянулась к ней. Он хотел дотронуться до её груди. Она приготовилась. К грубости. К боли.

Но... его пальцы дрогнули. Хан сжал кулаки. Костяшки побелели. Он хотел что-то сказать – или сделать. Но не сделал.

– Брачная ночь окончена, – глухо бросил он. – Тебе принесут одежду взамен испорченной.

Он резко развернулся и вышел. Полог шатра колыхнулся и упал, как занавес.

Тишина.

Ли Юн не шевелилась. Только спустя несколько долгих ударов сердца – выдох. И одна-единственная слеза. Она скатилась по щеке – тёплая, но не жалобная. Её мысли были холодны. Чётки. Ясны.

Она не проиграла. Нет.

«Ты должна быть ветром, Юн, – говорила Ма Суань. – Не степной. Не огнём. Ветер пронзает – и остаётся в груди».

Она станет для него ветром. Ветром степи. Он не заметит, как начнёт искать её глазами. Как перестанет спать спокойно. Как будет видеть её во сне. Он запомнит эту ночь.

И с неё начнётся путь Ли Юн.

К его сердцу.

К месту, которое она займёт – в его жизни. В его душе.

Месту, достойному принцессы.

Глава 1

Хоугун (внутренний дворец – резиденция жён и наложниц императора). Империя Тан. Лето 735 года.

Она никогда не забудет свой последний день в дворце. Тени фонарей дрожали на стенах.

Когда она сбегала от няnek, то всегда бежала к маме. Мама пахла сладко, как цветы сливы, а её мягкие руки всегда находили лицо доченьки, скользили по волосам, и весь мир становился светлее.

Вот и сегодня она сбегала, чтобы разузнать, как поправляется мамочка. Она кралась босиком, скользя вдоль стен, прячась за высокими ширмами, за массивными колоннами с драконьими головами. Её сердце билось так громко, что, казалось, его услышат.

Но она всё равно шла.

Она не должна была быть здесь. В комнате сегодня пахло по-другому. Горьким. Кислым. Чем-то неправильным. Но мама обрадовалась, когда увидела её – в её глазах промелькнула слабая искра жизни.

И только когда раздались шаги в коридоре, мама кивнула ей на ширму.

Ли Юн замерла за высокой перегородкой, стараясь не дышать, не шевелиться, не выдать себя даже вздохом. Она знала, что её ищут. Но никто не догадается искать здесь – в последнем месте, куда ей бы разрешили ступить.

Вошёл Он.

Она видела его со спины. Его тёмные одежды с вышитыми золотыми драконами отражали свет фонаря. Видела его руки – длинные, с тонкими, сильными пальцами.

Она не видела его лица, но видела лицо мамы. И слезу, скатившуюся по её щеке.

– Её достанут, – прошептала мама. – Если не сейчас, то позже.
Спаси её!

Он молчал.

Девочка не понимала, почему.

Почему он не берёт её маму за руку.

Почему не склоняется ближе.

Почему не шепчет ей слова утешения.

– Я отправлю её.

Его голос. Спокойный. Отстранённый.

– Как далеко?

Она вдруг закашлялась.

Глухо, коротко.

Император не дёрнулся, но девочка видела, как его пальцы сжались в кулак.

– На границу.

– С кем?

Пауза.

– С Лянь Чжи.

Она не знала, кто это.

Но её мама знала.

Она вдруг улыбнулась.

Слабо.

Но Ли Юн видела, как уголки её губ дрогнули, а на лбу разгладились морщинки.

– Значит, ты всё-таки пытаешься её уберечь.

Он не ответил.

Только склонил голову и едва заметно провёл ладонью по маминому лицу.

– Я не уберёг тебя. Должен был отправить вас раньше.

Она только улыбнулась.

И сказала едва слышно:

– Поздно.

Он не стал спорить.

Но в этот момент девочка больше не слышала их слов.

Она смотрела только на него.

И когда он развернулся, она увидела его лицо.

Без эмоций.

Словно выточенное из белого нефрита – холодное, гладкое, непроницаемое.

Лицо императора. Её отца.

После его ухода, она осталась у мамы, слушая её надрывный кашель. Шёпот слуг. Её собственный голос, поющий, чтобы успокоить ту, кто был центром её мира.

А потом шаги.

Тяжёлые. Не принадлежащие никому из дворцовых женщин. Императорская гвардия. Они схватили девочку и потащили на выход.

– Вы не можете! Я не оставлю маму!

– Твоя мать, – раздался голос, – отсылает тебя.

– Это ложь!

Но её не слушали.

Она царапалась, кусалась, кричала.

Её подхватили и унесли. Она всё ещё слышала мамин кашель.

Но теперь он остался там, позади.

И тогда она закричала ещё громче.

Когда её забросили в седло, она пыталась соскользнуть, но чьи-то руки крепко удерживали.

– Ради своей матери – веди себя достойно.

Она повернулась.

Перед ней стояла женщина в охотничьем кафтане, перехваченном поясом с бронзовыми застёжками. Её тёмные волосы были собраны под головную повязку, а на запястьях были защитные наклад-ки для стрельбы из лука.

Она не выглядела слугой.

И даже не наложницей.

Кто она?

– Ты не имеешь права говорить о ней!

Женщина только кивнула в сторону дороги.

– Скоро поймёшь.

Ли Юн не хотела понимать.

Она не знала, кто эта женщина.

Но возненавидела её с первой секунды.

– Я не поеду!

– Ты поедешь.

Женщина села в седло позади Ли Юн и повернулась к наездникам.

– Трогай.

И её увезли в ночь.

Лошади двигались ровным шагом, колёса повозки тихо скрипели по утрамбованной дороге, которая тянулась лентой через холмы, теряясь в предрассветном тумане. Утренний ветер, ещё прохладный, но уже несущий в себе обещание жары, играл складками дорожно-го плаща Ли Юн, взьерошивал выбившиеся из-под заколок пряди.

Ли Юн не разговаривала.

За последние несколько дней она перестала кричать, требовать вернуть её обратно, кусаться и царапаться.

Теперь она молчала.

Она сидела в седле – не потому, что хотела, а потому, что каждый раз, когда она соскальзывала на землю, её усаживали обратно.

Она не смотрела на Лянь Чжи.

Но чувствовала её.

Та всегда была рядом, всегда замечала, когда она хотела спешиться, сбежать, свернуть не туда.

Она ничего не говорила, не заставляла, не убеждала.

Просто была там, где надо, чтобы не оставить ей выбора.

Костры уже разгорелись, поднимая в небо дым, смешанный с запахом жареного мяса и горьких трав. Вокруг суетились тор-